

АЛЕКСЕЙ КАЗАКОВ

БУДЕРШАФТ

РАССКАЗ

С утра Лёнькина мать начала учить сына жизни. Накануне он пришёл домой с синяками и ссадинами на лице. В летние каникулы такие отметины уже появлялись. Мать всерьёз забеспокоилась и стала твердить про очень важный, по её мнению, способ выживания на улицах Магнитогорска.

— Ходи по центральным улицам. Пристройся в приличное место! Вон Марк записался в театральный кружок. Он выйдет в люди. Учись у евреев.

Терпеть сегодняшний нагоняй Лёньке было невмозмуту потому, что мать говорила очень громко, пытаясь перекрыть голос диктора, читающего по радио одно из выступлений Никиты Хрущёва.

— Ты уже большой. В шестой класс пойдёшь. Ищи культурных людей, учись у евреев. Вон Марк...

Мать остановилась, подыскивая нужные слова, а в это время диктор сказал: “Бурные продолжительные аплодисменты!”

— Чего гогочешь? Выключи радио к чёртовой матери!

Лёньке пришлось встать на чугунную спинку кровати, покрашенную в зелёный цвет, и выдернуть вилку из радиосети, находящуюся под самым потолком крохотной комнатшки, которая в высоту была едва ли не больше, чем в длину и ширину. Эту комнату мама Лёньки заняла самовольно. Когда она сошла с поезда на вокзале Магнитогорска, уехав из маленького городка

КАЗАКОВ Алексей Васильевич родился в 1950 году в городе Венёв Тульской области. Окончил редакционно-издательский факультет Московского государственного полиграфического института. Работал журналистом в нескольких изданиях, в частности, в газетах “Трибуна”, “Век”, “Россия”, “Гудок”. В течение трёх десятилетий своей темой в журналистике считал защиту интересов отечественной промышленности от агрессивной политики зарубежных транснациональных корпораций и их приспешников в России.

в Тульской области, где отец после фронта навёрстывал упущенные радости жизни и ударился во все тяжкие, то одной рукой она держала Лёньку, а другой — деревянный чемодан. Где жить, она не знала. Какая-то добрая душа рассказала ей о пустой комнате в трёхкомнатной коммунальной квартире и посоветовала занять её. Так поступали многие. Мать послушала совета, но раз в неделю к ней приходил комендант и требовал освободить жилплощадь. А когда на общей кухне, как сегодня, царила толчея и все ругались, то соседка тётя Поля обзывала Ленкину мать последними словами.

— Аферистка! Эту комнату должны были дать мне. Нас пять человек. Я Хрущёву письмо напишу.

Воспользовавшись заварушкой, Лёнька шмыгнул из квартиры и побежал с третьего этажа на первый к своему другу Альке. Алькиным родителям тоже не понравилось, что их сын накануне пришёл домой с разбитым лицом. Отец Альки дядя Серёжа окончил одесский политехнический институт, женился на одесситке тётке Наташе, попал по распределению в Магнитку и работал заместителем начальника агломерационного цеха металлургического комбината. Сегодня у Алькиного отца был выходной. Он выпался, побрился, подушился одеколоном “Кармен” и, пританцовывая с одесским шармом, скользил в трусах по квартире, не обращая внимания на одинокую соседку. Но разбитая физиономия сына мешала ему радоваться жизни в полной мере.

— Алька, щас я сделаю тебе скандал, и тебе будет весело. В войну я выковыривал овёс из навоза, мать мне варила из него кашу, и я её ел. В институте я тоже ел вприглядку, чтобы твоя беременная мать была сыта и родила здоровое дитя. По ночам одной рукой я держал учебник, а другой качал твою коляску. И что в ответ? Вместо благодарности ты расшибаешь себе башку? Лучше бы твоя мать сделала аборт!

— Пойдём, — сказал Алька, наспех заталкивая ноги в кеды.

На ступеньках подъездного крыльца он принялся зашнуровывать кеды, а Лёнька сказал:

— Зашибись.

— Чего-о-о?

Алька, не разгибаясь и не выпуская шнурков из рук, повернул голову по направлению Лёнькиного взгляда и попытался понять, что хорошего он увидел. В палисаднике под окнами Алькиной квартиры, в сторону которого смотрел его друг, была мусорная поляна, припорошённая жёлто-оранжевым ковром листьев. Листья тополей были покрыты ржавчиной от выбросов металлургического комбината. Сквозь ветки деревьев на Альку угрожающе пялились два окна второго этажа зелёного трёхэтажного дома, наспех построенного немецкими военнопленными. Алька ненавидел эти окна. Из них часто выглядывал уголовный авторитет Вовистый и грозился пооткручивать головы пацанам за то, что они громко хлопали крышками деревянных ящиков из-под мороженого, которые составлялись в высокие пирамиды перед зелёным домом. В подвале этого дома располагался цех по изготовлению мороженого, и отсюда его развозили гужевым транспортом по всему правому берегу Магнитогорска в ящиках с двойными фанерными стенками. Этим летом в сильную жару Алька вместе с другими пацанами нашёл один ящик, на дне которого завалилось несколько пачек крем-брюле. Ребята стали запихивать мороженое за майки, когда из дома выбежал Вовистый. Он догнал ребят, отобрал у них мороженое и отвесил Альке такой шинок, якобы за воровство, что синяк на его бедре не проходил целую неделю.

Весной Алька и Лёнька посадили в палисаднике семена алиссумы, прозванные в городе медовиками, которые произросли маленькими белыми цветочками и густо пахли мёдом. Но клумбочка для этих цветочков, огороженная кирпичами, тоже имела неприглядный вид. Жители дома и прохожие вытоптали её, разбросали кирпичи, когда рвали душистые цветы и ставили маленькие букетики у себя на подоконниках.

— Тоже мне! — фыркнул Алька и отвернулся.

Но Лёнька чувствовал себя так же, как, судя по рассказам взрослых ставленников, забивающих козла во дворе, они чувствовали себя в перерывах

между плавками, когда им удавалось вырваться из цеха и глотнуть воздуха, спасаясь от адской жары и едкой гари. Земля в утренние часы ещё не успела прогреться от ночного августовского похолодания. Холод и свежий воздух оказались лучшим лекарством от взбучки, которую устроила ему мать. Безлюдный утренний квартал был похож на улочки и переулки, которые Лёнька видел в фильмах о Москве, куда он во что бы то ни стало хотел уехать, когда вырастет. В столице много интересных интеллигентных людей, там парочки гуляют в самых безлюдных местах до утра. Поливальные машины в лучах солнца моют перед ними тротуар, и никто не бьёт влюблённых по физиономии, сделал вывод Лёнька, насмотревшись фильмов о Москве.

Со стороны вокзала послышался длинный гудок паровоза. Возможно, именно этот паровоз отправлялся в Москву или в какой-нибудь большой и красивый город. Приглушённый женский крик и ответная хрипая мужская матерщина отвлекли Лёньку от любования городским пейзажем, но вот опять уже совсем далеко раздался прощальный гудок паровоза. Эти гудки показались Лёньке весёлой увертюрой, предвещающей удачный день. Он боксерски подскочил к Альке и аккуратно провёл двоечку ему в плечо. Он хотел ещё добавить пару ударов в голову, но его остановил голос Алькиной матери, хорошо слышимый в утренней тишине через открытое окно.

— Лёнька плохо влияет на Альку. Все хлопцы как хлопцы, а эти дают бить себя всем, кому не лень. Мамсики! — негодовала тетя Наташа.

— Давай нарвём сегодня тётке Наташе медовиков. Но не здесь, а у Дома культуры. Их там ещё не успели вытоптать, — сказал Лёнька, продолжая боксировать с тенью.

— Обойдётся, — возразил Алька, получивший утром обидный подзатыльник от матери и оглушённый её криком.

Лёнька догадывался о причине раздражения тёти Наташи. Спасаясь от жары, в комнате с окнами на солнечную сторону, пышнотелая красавица тётя Наташа любила хозяйничать на кухне без халата. Мальчишки сновали по квартире, собирая корабль из конструктора, который купил им дядя Серёжа, или разучивая приёмы бокса, которые они подсмотрели на тренировках в спортзале Дома культуры металлургов. Когда они натыкались на раздетую тётю Наташу, то она всякий раз недовольно ойкала и скрещивала руки, прикрывая свою полунаготу.

— В секцию бокса пошли записываться. Мы в войну страдали от голода, а они — от скуки, — спокойно сказал дядя Серёжа. По его тону было ясно, что он вышел из образа одесского еврея.

На улице Алька, как обычно, засунул поглубже руки в карманы, выкатил вперёд челюсть и зашмыгал ногами, сплёвывая по сторонам. Бандит, ни дать ни взять. К такому никто приставать не будет. Лёнька тоже старался принять устрашающий вид. Но ему не повезло с лицом, оно было, как у девицы, с нежным овалом и тонким носом. Тонкий нос по пацанским понятиям считался большим недостатком как признак того, что его обладатель редко дерётся. Больше всего Лёньке не нравились его губы. Особенно в те моменты, когда навстречу попадался известный бандюган из зелёного дома Вовистый. “Губки бантиком!” — дразнил он Лёньку таким голосом, каким обычно разговаривают с хорошенькими девочками. Лёньку такое обращение унижало. Но когда он зло шептал в ответ, то Вовистый угрожающе тянул: “Что-о-о?” Приходилось отводить глаза в сторону. Ведь Вовистый был лет на десять старше Лёньки.

Несмотря на хулиганский вид, вчера Лёньку и Альку поколотили. Их окружили несколько пацанов из квартала 7-б. Удары посыпались со всех сторон. Лёнька удивился тому, что не больно. Обидно, но не больно. После драки у Альки была рассечённая губа, а у Лёньки чернел синяк под глазом, но ребята мечтали увидеть обидчиков ещё раз и отомстить. По умолчанию оба понимали, что драться они не умеют. Надо в секцию бокса записываться.

В палисадник, как всегда в это время, вышел Колчак. Никто не знал настоящего имени соседа по подвезду. Мама Лёньки говорила, что он бывший белогвардейский офицер. За военную выправку дядя Серёжа дал ему прозвище Колчак. Колчак жил в коммунальной квартире на втором этаже со своей

тихой, интеллигентной женой, имя которой тоже никто не знал. Сплетницы, сидящие у подъезда на табуретах, покрытых подушечками, сокрушались по поводу того, что никто и никогда к Колчакам не приходил. Утром и вечером Колчак подолгу стоял у подъезда и курил папиросы “Казбек”. Как всегда, на голове у него была фуражка из какого-то благородного сукна. Форма её была очень похожа на белогвардейскую офицерскую фуражку. Из такой же ткани китель и брюки. Ни одной складочки, ни одного пятнышка на всём костюме. Луч солнца отражался от его до блеска начищенных, хотя и стоптанных ботинок. Колчак выбирал места посуше и почище, чтобы не запачкать их. Одна рука у него оставалась за спиной, а в другой он отстраненно держал папиросу так, чтобы пепел не попадал на его одежду. Для кого он дважды в день вставал у подъезда, словно на полковую перекличку, было непонятно. Дядя Серёжа шутил, обращаясь к тётке Наташе: “Опять твой френерок пришёл”.

Лёньке интересно было смотреть на его лицо с аккуратными седыми усиками. Колчак был явно из тех умных и образованных людей, с которых Лёнькина мама предлагала сыну брать пример. Лёнька понимал, что Колчак знает о жизни что-то такое, чего он не знает, и понимал, что Колчак никогда этим знанием не поделится. Как-то Лёнька попытался заговорить с соседом и спросил:

— А что значит “будершафт”?

Колчак посмотрел ему в глаза, и Лёнька понял, что он видит его насквозь и знает, почему он задал этот вопрос. Недавно Лёнька в кино увидел очень красивую, интеллигентную девушку и подумал: “Как ей можно понравиться?”

— Съедем мороженое на будершафт, — сказал её спутник. Не очень интересный с точки зрения Лёньки тип. В ответ его подруга запрокинула свою красивую голову назад и засмеялась громче, чем следовало ожидать. Почему она так отреагировала на слова своего кавалера, непонятно. “Надо взять это на вооружение, когда вырасту и пойду с какой-нибудь красавицей в кино, но для этого нужно узнать, что такое будершафт”, — подумал Лёнька.

Бывший офицер сделал затяжку, выпустил в сторону дым и продолжал молча смотреть на собеседника. Лёньке показалось, что его взгляд говорил: у тебя кишка тонка, чтобы рассуждать на такие возвышенные темы. Немой отказ ещё больше заинтриговал Лёньку, и он предпринял ещё одну попытку узнать, что такое будершафт, у доминошников. Обычно, когда взрослые забивали козла в тени карагачей, то вокруг них собирались послушать байки и поучиться уму разуму.

— Бу-дер-шафт? Ишь ты, какой любопытный! — ухмыльнулся дядя Коля, обнажив свои стальные зубы. Дядя Коля во время войны служил во фронтовой разведке и вернулся домой без ноги, но жил не только на пенсию, а ещё работал в металлоцентре в магазине “Промтовары”. Ходил с костылём, не вынимал самокрутку изо рта, вечно балагурил и был уважаемым во дворе человеком. Однажды он выпил и решил повоспитывать свою жену, которая спряталась от него в квартире, закрыв изнутри дверь на засов. Дядя Коля поднялся на крышу дома, привязал бельевую верёвку к качающимся тонким перилам, отложил в сторону свой костыль и спустился по верёвке на балкон, находящийся на третьем этаже. Бабы во дворе истошно визжали, особенно когда костыль соскользнул на железной крыше и дядя Коля упал. Мужики кричали его матюгами, кто-то нервно смеялся, перепуганные дети с замиранием сердца смотрели на этот цирк под открытым небом. Команда дружинников с красными повязками так и не смогла открыть дверь его квартиры. Дядя Коля рухнул на кровать и проспал до утра, а его жену и соседку на ночь приютили жильцы дома.

Другой раз дядя Коля проявил свой крутой характер, когда дядя Никифор в приступе белой горячки стал размахивать топором перед столом доминошников. Все доминошники побросали свои костяшки и отскочили от стола. Один дядя Коля не сдвинулся с места. Он выхватил из своего кармана горсть табачной крошки, бросил её в глаза Никифору, а потом огрел его костылём по голове. На следующий день дядя Никифор с забинтованной

головой сидел со своим обидчиком в паре и как ни в чем не бывало забивал козла.

Но самым большим талантом дяди Коли был его острый язык. Если он приложит каким-нибудь крепким словом, то потом не отмоешься. Так было с второгодником по кличке Повидло. Он был трусливым малым. Всегда ходил впереди своры ребят и придирался к прохожим, но если начиналась драка, то её зачинщик ускользал куда-то в сторону. Повидло любил издеваться над теми, кто помладше него. Особенно доставалось Марку. Однажды Лёнька зашёл в школьный туалет и увидел, как Повидло забрался на кабинку и сверху пытался помочиться на Марка. “Давай поодеколоним тебя, еврейчик”, — приговаривал он.

— Как твоя фамилия? — однажды спросил его дядя Коля после того, как во дворе бабы своими криками согнали Повидло с выступа второго этажа соседнего дома, куда Повидло шагнул из подъездного окна, чтобы заглянуть в окно комнаты, желая увидеть, как переодевается красивая учительница Ирина Витальевна.

— Кислов.

— Так почему же ты Повидло? Ты настоящий Кизя или лучше — Кизяк, — дядя Коля брезгливо поморщился, как будто перед ним действительно выплыл коровий кизяк. В новом прозвище звенело столько издёвки, что ребята быстро взяли её на вооружение.

На сей раз досталось Лёньке. После Лёнькиного вопроса взгляд дяди Коли стал оценивающим и колючим. Лицо приняло брезгливое выражение, как будто перед ним стоял мальчишка, обещающий вырасти в человека с гнильцой, с которым он никогда бы не пошёл в разведку.

— Бударшафт — это закуска такая. Вроде пирожка с дерьмом. — И, смачно стукнув костяшкой домино по столу, добавил. — На тебя похожий. Понял, Бударшафт?

Ребятам, стоящим вокруг стола, понравилось, и пару дней они дразнили Лёньку Бударшафтом, думая, что на блатном жаргоне так называют что-нибудь непотребное, но вскоре они забыли это слово, не имеющее русского корня.

Сегодняшним утром Кизяк был так увлечён выжиганием какой-то матерщины на перилах беседки, что не заметил ребят. “Первое, что я сделаю после того, как запишусь в секцию бокса, так это набью морду Повидле. Вторым делом искалечу Жуту”, — определил себе планы Лёнька.

Жута, как обычно, сидел на притолоке соседнего дома. Ему едва исполнилось двадцать, но он уже успел дважды посидеть в тюрьме. У него было волчье выражение лица и маниакальное желание ударить кого-нибудь. Однажды Лёнька слышал, как Жута спросил своего брата, которого он называл по кличке, а не по имени: “Еша, скажи, Англия у нас или за границей?” И вот такой тип прицепился к Лёнькиной маме. Он всегда отпускал сальные шуточки в её адрес. Когда мама возвращалась домой с работы после второй смены, Лёнька молил Бога, чтобы в этом проходном дворе она не встретила Жуту.

Пока Лёнька представлял себе, как он отбивает печень и ломает челюсть Жуте, друзья подошли к общежитию молодых работников комбината. Обитатели общежития выставили в открытые окна свои спины и убивали время под солнцем уходящего лета. Мимо этих окон ходить было небезопасно. Обрудают или запустят арбузной коркой. На некоторых подоконниках стояли репродукторы. Из репродуктора на окне с двумя открытыми створками и двумя голыми спинами неслись частушки в исполнении Штеспеля и Тарапуньки:

*В клубе жуликов судили,
Судьи вышли на совет,
А стилиги вдруг спросили:
“Танцы будут или нет?”*

Из окна этажом выше торчала одна спина, но динамик в этом окне звучал гораздо громче. “Люблю я макароны, хотя моя невеста их не любит”, — козлогласил Эмиль Горовец.

Куплетисты отвечали ему:

*Говорит старуха деду:
“Ты купи мене “Победу”!
А не купишь мне “Победу”,
Я уйду к другому деду!”*

Загорающие в других окнах посмеивались над дуэлью соседей, курили и бросали окурки через тротуар на зелёный газон.

— Эй, красотка, — крикнул парень из окна. — Смотрите, как идёт! Не идёт, а пишет!

Все заговарившие посмотрели вниз на девчонку с белым шарфом на голове. Шарф соскользнул с головы на плечи. Улыбка пробежала по губам объекта всеобщего внимания. Зеваки оказались в замешательстве. Девушка оказалась седеющей женщиной, но с очень хорошей фигурой и молодой, красивой походкой.

— Какая, а? Вы только гляньте на неё!

— Мне бы кого-нибудь помоложе.

— Да она в сто раз лучше любой молодухи, — выразил общее мнение кто-то из загоравших.

Немолодухой была Ирина Витальевна. Она жила в соседнем доме и работала учительницей литературы в старших классах. Из рассказов старшеклассников Лёнька узнал, что Ирина Витальевна буквально гипнотизировала ребят своими рассказами. Мёртвая тишина стояла в классе, когда она высмеивала Штольца и оправдывала Обломова. Она осовременивала классику, рассказывая о том, что чиновники Магнитки ничем не отличаются от чиновников в “Ревизоре”. Даже самая отъявленная шпана сидела тихо на её уроках. Пацаны были одинаково поглощены тем, что она говорила, и пожиранием глазами её высокой груди и длинных красивых ног. Выражением симпатии к Ирине Витальевне являлся напускной цинизм, с которым они в туалете строили догадки о её личной жизни.

Однажды в школе деспотичная классная руководительница приказала Лёньке, чтобы он самостоятельно выбрал себе стихотворение для участия в школьном конкурсе чтецов. Отказаться нельзя — схлопочешь пару двоек, и вызов родителей в школу неизбежен. Как раз в это время Лёнька рассказал своему однокласснику Марку, что ему начала сниться тётя Наташа, и он, кажется, влюбился в неё. Одноклассник выслушал его с пониманием настоящего исповедника, а на следующий день его словно подменили. Он грозился тем, что расскажет Лёнькину тайну его другу Альке. При этом всем своим видом он показывал, дескать, думай, как вести себя, чтобы я этого не сделал. Лёнька притворился безразличным к словам шантажиста. Но очень сильно переживал. На переменах он следил за тем, чтобы Марк не оказался с Алькой наедине. В итоге Марк ничего не сказал Альке. Видимо, забыл. Но Лёнька дал себе зарок держать язык за зубами и никогда не делиться своими тайными переживаниями.

По радио он услышал стихотворение Тютчева, которое как будто специально рассказывало о Лёнькиных переживаниях. Он нашёл книгу поэта в библиотеке и выучил понравившееся ему стихотворение. Через несколько дней проходила проверка подготовки к конкурсу. Лёнька успел прочитать начало стихотворения Тютчева:

*Молчи, скрывайся и тай
И чувства, и мечты свои.
Пусть в душевной глубине
Встанут и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,
Любуйся ими — и молчи.*

Дальше он читать не мог. Старшая пионервожатая помирала со смеху, классная руководительница зло сказала: “Хватит. Мал ещё такие стихи

читать”. Ирина Витальевна молчала и внимательно смотрела на Лёньку. После этого она всегда первой здоровалась с ним и предложила ему прийти в литературный кружок, которым Ирина Витальевна руководила. Лёнька постеснялся идти туда, потому что Марк рассказывал, что в нём занимаются одни отличники, а Лёньку позориться перед Ириной Витальевной не хотел. Он чувствовал, что его речь засорена блатными словечками, а по-другому говорить не мог.

В конце лета она куда то исчезла. Перестала работать в школе и переехала в другой дом. В туалете школы, где не только дрались, курили, унижали отличников, но и обсуждали новости, Лёнька слышал, как старшеклассники рассказывали, что Ирину Витальевну уволили, потому что её засекли в церкви. А богомолкам нельзя работать учителями. Кизяк назвал Ирину Витальевну баптисткой и грозился при встрече задрать её подол платья. Это была забава пацанов тринадцатого квартала, самого бандитского в городе. Обычно вечерами они собирались на центральной улице Ленина, где ходили нарядные женщины без провожатых, бросали жребий, и проигравший должен был подбежать сзади к прохожей и задрать повыше её подол, так, чтобы остальные могли увидеть её белье. Эта процедура вызывала всеобщий гогот и свист толпы тринадцатиков.

Лёнькина мама знала, как её сын относится к Ирине Витальевне. По вечерам, за вечерним чаем просила его рассказывать о школьных делах. Лёнька старался скрыть своё отношение к Ирине Витальевне, но это у него плохо получалось.

— Говорят, что она баптистка. Выброси ты её из головы. Говорят, её в психиатричку положили.

Быть баптистом считалось большим позором. О баптистах писали в газетах и говорили, что они вовлекают в свои секты детей, не разрешают им учиться, вступать в пионеры, ходить в кино и вообще уродуют их психику. Настоящим потрясением для Лёньки стал фильм “Тучи над Борском”, в котором сектанты пытались распять молодую девчонку за то, что она послушалась их. В голове промелькнула ужасная догадка: “Так вот почему Ирина Витальевна была ласкова со мной. Она хотели завлечь меня в баптистскую секту”, — предположил Лёнька. Случайно он услышал разговор всезнающих бабок, сидящих у подъезда на лавочке и своих табуретах. Из их разговора он узнал, что Ирина Витальевна сейчас работает в театре заведующей литературной частью и в Доме культуры металлургов.

У Дома культуры взгляды Лёньки и Ирины Витальевны встретились. Лёнька видел, что она узнала его и приветливо улыбнулась, но Лёнька отвёл глаза в сторону. “Вдруг она чокнутая или и впрямь баптистка, или ещё чёрт его знает кто. На всякий случай нужно держаться от неё подальше”, — решил он.

На третьем этаже в спортзале ДК тренировка уже была в самом разгаре. Пахло матами, боксёрскими грушами, перчатками. Боксёры давно заприметили ребят, понимали, ради чего они сюда ходят, и потому смотрели на них с явным превосходством. Лёнька почему-то понял, что у него сегодня не хватит духу, чтобы подойти к Виктору Харламповичу и попросить записать их в секцию. Деревянная лестница, ведущая в спортзал со второго этажа на третий, закричала. По ней поднимался отец Марка. Он представился, назвал имя общего знакомого и пожал Виктору Харламповичу руку.

— Конечно, пусть приходит, — доброжелательно сказал Виктор Харлампович. Но по тому, как он посмотрел на мешковатого мальчишку, Лёнька понял, что он не в восторге от такого ученика.

Уходя, отец Марка даже не повернул голову в сторону ребят, в глазах которых читалась просьба похлопотать и за них тоже. Отец Марка вёл себя так, будто ребята — пустое место. Как будто две недели назад Лёнька не обсуждал с ним посещение городского театра. Этим летом художник Дома культуры послал туда Лёньку и Альку помыть щиты с красочной рекламой фильмов. Обычно раз в неделю ребята брали швабры и мылы афиши в огромной луже, которая не высыхала, за зданием Дома культуры. За это художник просил билетёршу пропустить их бесплатно в кинозал. Но на сей раз он предложил ребятам съездить на левый берег Урала в гортеатр.

— Там будут показывать фильм “Козлёнок за два гроша”. Вам понравится. Весь фильм — борьба кетч. Сплошные драки!

Ребята приехали к горттеатру на два часа раньше, выскоблили не два, а четыре щита. Но оказалось, что фильм о борьбе кетч будет идти на следующий день. Они разочарованно слонялись по полукруглому коридору театра и случайно вошли в зал. На освещённой сцене стоял рояль, за которым сидела какая-то селёдка в чёрном платье. Рядом стоял здоровенный детина с большим животом и во фраке. В его ручищах терялась маленькая скрипка. Лёнька с уважением относился к этому инструменту, потому что слышал две радиопостановки. Одну — о Паганини, а вторую — о Бетховене, и долгое время приставал к матери, чтобы она купила ему скрипку и отдала в музыкальный кружок.

Но то, что происходило в зале, поразило Лёньку. До сих пор он думал, что в городе живут одни работяги, приехавшие в Магнитку по вербовке со всех деревень страны. Их любимым инструментом был баян, под звуки которого исполнялись песни из популярных фильмов. Но в затемнённом зале театра он увидел совершенно других людей. Каждый из них, затаив дыхание, слушал музыку непонятную, немелодичную и трудную для восприятия. Но, посмотрев на лица в зрительном зале, Лёнька понял: происходит нечто возвышенное, в чём нужно разобраться и полюбить, и стать таким же образованным и умным, как зрители этого зала. Чувствовалось, что всех их объединяет нечто общее, что-то такое, чего они не хотели выставлять напоказ так, как будто их увлечённость музыкой была баптизмом. В зале сидел Марк со своими родителями. Лёньку поразило, что Марк знал, когда нужно хлопать в ладоши, а когда непонятно почему тихо сидеть во время музыкальной паузы.

— Почему у него морда такая красная? Наверное, он сталеваром работает? — спросил Алька.

Этот вопрос Лёнька задал родителям Марка, когда зашёл за другом, чтобы прошвырнуться по улице. В ответ отец Марка улыбнулся, заговорщицки посмотрел на свою жену и ничего не сказал.

Ответил дядя Коля:

— Слушай, Бударшафт, этот краснорожий за один концерт загребёт столько, сколько твой отец за месяц не зарабатывает. А чё ему не пилить? Во время войны в тылу прятался. Сладко спал, сытно ел. Сачок! — И, оглядев Лёньку, дядя Коля добавил: — Ты тоже таким будешь.

Ребята каким-то образом почувствовали: в спортивном зале творится что-то нечестное и несправедливое. Они уже не первый раз приходят сюда и не могут записаться, а Марк попал в секцию легко и с первого захода. Негодующий Алька подскочил к тренеру и, страшно волнуясь и заикаясь, выпалил свою просьбу. Виктор Харлампьевич посмотрел на разбитые лица ребят, на блеск их глаз и, усмехнувшись, сказал:

— Нет, сейчас новичков я не беру. Вот, может быть, в следующем году, а сейчас не получится.

— А как же его? Почему ему можно, а нам нельзя? Ведь мы столько времени торчим здесь!

— Разговор окончен.

С третьего этажа на первый ребята спускались, как с небес в преисподнюю. Им предстояло провести целый год бессмысленного и тягостного существования. Как нарочно к этому случаю, через окна доносился похоронный марш. Накануне сплетницы, сидящие у подъездов на табуретках, деревянных ящиках и скамейках, обсуждали гибель молодого сварщика, упавшего с мостков при строительстве мартеновской печи и разбившегося насмерть. В результате заседания приняли решение, что цех должен заказать духовой оркестр на похороны. Видимо, их голос был услышан, и теперь по улице Ленина тянулася траурная процессия, которой отдавали часть своего сердца прохожие и жители домов, оглушённые звуками духового оркестра, пытающегося исполнить “Траурный марш” Шопена.

Дорогу ребятам преградил Сказочник со своей приклеенной улыбкой на оплывшем лице, испещрённом старческими морщинами. Лёнька знал Сказочника

с детского сада. Он выходил на сцену в лаптях, длинной белой крестьянской рубахе, подпоясанной красным поясом, с нелепой шапкой на голове. В руках у него торчала свирель, на которой он наигрывал незамысловатую мелодию. Обычно Сказочник играл на ней и шмыгал лаптями по сцене до тех пор, пока не затихал шум в зале.

— Я приехал к вам из Тмутаракани и расскажу, что со мной приключилось, — начинал он своё выступление.

Потом Лёнька узнал, что он не Сказочник и живёт не в Тмутаракани. Однажды он увидел Сказочника на проспекте Metallургов с каким-то стилигой в брюках дудочкой и ярком пиджаке. Его густые волосы были увлажнены и уложены в причёску в стиле “жук”. “Наверное, он москвич”, — промелькнуло в голове у Лёньки. Сказочник вообще выглядел, как настоящий иностранец. На нём сияли белые брюки, белые туфли, его шею опоясывал цветной шёлковый шарфик, а тёмные очки, ношение которых в городе считались пижонством, были подняты на лоб. Но главное, что отличало его от магнитогорцев, — улыбка. Она воспринималась не как проявление доброжелательности, а как демонстрация хороших манер. Говорил Сказочник тоже по-особенному. Он как будто обращался только к своему собеседнику, но его грудной баритон и дикция были такими, что услышать Сказочника можно было на другой стороне тротуара.

— Я их знаю. Это актёры театра, — шепнула своей подруге одна из следовавших за ними девушек.

Сказочник внимательно посмотрел на неё.

— Можно мы пойдём рядом и вас послушаем? — виновато спросила она.

— Конечно, — доброжелательно сказал ей Сказочник и, повернувшись к своему товарищу, продолжал:

— Трагедия молодого поколения в том, что оно запуталось в собственных соплих. Оно утратило учителей. Нет, лучше сказать — не учителей, а духовных наставников. Воистину, “распалась связь времён”.

— Да, да, — кивал его собеседник

— Одни сгинули, другие боятся быть самими собою. Образование не может восполнить пробел в воспитании. В книгах этого не прочтёшь.

— Да, согласен. Предводитель слепых ведёт слепого. Вот, полюбуйся, — указал собеседник на плакат за стеклом газетного киоска. На нём был изображён железнодорожный эшелон, гружённый гигантскими початками кукурузы. Тут же стояла стрелочница в белом халате со счастливой улыбкой на лице. Вместо сигнального зелёного флажка в правой руке она сжимала початок кукурузы. Под плакатом — надпись: “Каждой тёлке по кукурузе!” Прохожие не обращали на это внимания так же, как и на другие глупости, типа: “Следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме”. Но Сказочник и стилига прыснули со смеха, видимо, решив, что только они способны увидеть и оценить уровень глупости творцов этого плаката. Лёнька думал: “Почему они смеялись, сказав “физиологический артефакт”. Что это такое?”

Он вместе с двумя девочками проводил актёров до остановки трамвая, где их окликнула какая-то женщина.

— Вы почему не сдали одежду в костюмерную?

— Спокойно, спокойно... Был выездной спектакль.

— Но зачем же сегодня разгуливать по городу в этой одежде? Кто будет стирать, гладить? А туфли? А парик? Я напишу докладную главному.

— Спокойно, не надо шуметь, — твердили они возмущённой женщине.

При встрече в Доме культуры Сказочник сказал Лёньке фразу, которую он уже говорил другим ребятам, например, Марку. Лёнька мечтал, чтобы слова, сказанные Марку, были бы когда-нибудь адресованы и ему тоже. И вот сегодня он их дождался.

— Молодой человек, у вас есть способности, о которых вы не подозреваете. Вижу, что вам плохо. Что случилось? Меня зовут Семён Аркадьевич, а вас?

Первый случай в жизни, когда Лёньку называли на “вы”, и он был готов разбиться в лепёшку, чтобы не разочаровать человека, так высоко его оценившего.

— Я помогу вам. Поговорю с Виктором Харлампьевичем, и он возьмёт вас в ваш бокс. Только это вряд ли поможет вам раскрыть те таланты, которые в вас есть.

Лёньке было приятно это слышать, и он решил поддержать умный разговор:

— Скажите, что такое брудершафт?

— Вы, наверное, имеете в виду брудершафт, — Семён Аркадьевич жестом предложил ребятам войти к нему.

Его каморка с реквизитом и театральной одеждой оказалась такой тесной, что два человека не могли разойтись в ней, не прикоснувшись друг к другу. Сказочник сел между ребятами и дверью.

— Итак, что такое брудершафт? На брудершафт принято выпивать. Плебеям это недоступно. В подворотне на троих так выпивать не принято. Выпить на брудершафт — это очень красивый церемониал. Я вам сейчас покажу, как это делается. Возьмите вон тот бумажный цветок и представьте себе, что это бокал вина. Теперь сплетём руки вот так. — Лицо Сказочника оказалось совсем рядом с Лёнькиным. Он близко увидел его глубокие морщины, длинный и толстый нос, нависающий над верхней губой, и услышал учащённое сильное дыхание. Бабья грудь и рыхлый живот прижались к Лёнькиному телу. — Сделаем вид, что пьём вино, а теперь нужно обязательно поцеловаться. Вот так. — Он потянулся к Лёньке губами своего слюнявого рта... Лёнька отстранился. Сказочник засмеялся: — Когда пьют на брудершафт, то обязательно целуются. Но это доступно только воспитанным людям. Плебеи этого не понимают.

Лёньке стало не по себе и очень захотелось уйти. Отец Лёньки за всю жизнь не то, что не поцеловал его, он даже не погладил его по спине. Только в очень редких случаях он гладил сына по голове. Что-то чуждое и отвратительное было в поведении Сказочника. Вместе с тем Лёнька сказал себе: “Надо потерпеть, пока он не поговорит с Виктором Харлампьевичем”.

Дверь в каморку распахнулась. На пороге стояла Ирина Витальевна с таким видом, будто она случайно зашла в мужской туалет. Ирина Витальевна хлопнула дверью и ушла. Но через мгновение она вернулась.

— Семён, ты знаешь, что ты дерьмо?

Сказочник натянуто улыбнулся, скрывая растерянность.

— Ирина Витальевна, что вы такое говорите?

— Я говорю, что ты дерьмо. Ты меня понял?

Сказочнику стало явно неудобно за этот разговор перед ребятами. Он покраснел, опустил глаза и не знал, как ему дальше себя вести.

— Да что случилось?

— Ты дерьмо. Я давно хотела сказать тебе это.

— Ну, хорошо. Я дерьмо, и что дальше? А ты кто? У тебя что, проблем мало?

— Ты отпустишь этих мальчишек.

— Да пусть идут, никто их не держит.

Ребята робко встали и протиснулись между стеллажами и животом Семёна Аркадьевича. За ними закрылась дверь. Ирина Витальевна говорила тихо, но её слова чётко слышались в коридоре:

— Ты дерьмо. Тебя нельзя подпускать к детям.

Лёнька не понимал до конца, во что он влип, но он чувствовал себя настолько униженным, что даже не мог смотреть в глаза Альке. Выходя из Дома культуры, он увидел своё отражение в дверном стекле и возненавидел свою смазливую мордашку больше, чем это было вчера после взбучки от пацанов из квартала 7-б.

— Все пацаны, как пацаны, а я...

— Да ты чё! — попытался приободрить его Алька

— Убью гада!

Во дворе дома ребята увидели Колчака. Он, как всегда, покуривал свою папиросу. Лёнька повернулся к Альке и сказал так, чтобы Колчак услышал: — Буржуй недорезанный!

В подъезде он увидел мусорный бачок, на котором лежали облущенные подсолнухи. Лёнька взял несколько штук и побежал на третий этаж подъезда. Он встал на подоконник, открыл форточку окна.

— На будершафт! На будершафт! — приговаривал он, всякий раз, когда бросал вниз очередную порцию помоев.

— Зашибись! — кричал Алька. Друзья с хохотом поднялись по пожарной лестнице на чердак, пробежали по пыльному потолку, перепрыгивая через стропила, в соседний подъезд. Спустились с верхнего этажа на первый и вышли во двор уже из другого подъезда, притворно зевая и разминая плечи, как после долгого сидения на подоконнике. Колчака во дворе не оказалось. Ребята решили замести следы и немного постоять у стола доминошников.

Они тихо обсуждали похоронную процессию, введшую в уныние весь квартал траурным маршем Шопена.

— Дня не прошло, чтобы кто-нибудь на комбинате не погиб.

— Недавно демобилизовался. На собрании выступал, дескать, скорей бы коммунизм наступил. Так хочется пожить по-человечески.

— С самой войны эти сказки слышу. Эх, Россия, сколько же в тебе дураков! — произнёс в сердцах дядя Коля и закончил поминки тем, что смачно ударил костяшкой по столу: — Во время войны мы воевали на два фронта. Помню, в Германии заходим в один дом, а там цаца в белых штанах на пианинах играет. И нагло так к себе зазывает. Ну, мы..

— Тише ты. Дети здесь. А ну, пошли отсюда, сопляки!

Лёнька и Алька осторожно вошли в свой подъезд. Дверь в квартиру Альки была приоткрыта. Колчак стоял со своей фуражкой офицерского фасона в опущенной руке. Босая, в наспех накинутом халате тётя Наташа обняла его.

— И-м-м-м! — мычал Колчак. Из его горла, как у негомо, извергались хрипы и шипение, но ни одного членораздельного слова. Он стоял, как воспросительный знак, и всем своим видом говорил: “За что? Что я им плохого сделал?”

— Заспакойся, мий гарний! — Тётя Наташа одной рукой осторожно погладила седой ежик его волос, а другой придерживала полы своего халата. Она говорила с Колчаком так, как говорит мать со своим трёхлетним дитятей, расплакавшимся от ушиба коленки. Колчак стоял навтыяжку и не смел притронуться к тёте Наташе.

Лёнька и Алька боялись дышать. Их ноги словно приклеились к бетонному полу. Они хотели исчезнуть, но боялись, что она услышит их..

— Заспакойся. Не надо ничего говорить. Я все зрозумела, — журчал ручеёк её ласковых слов.

Алька осторожно потянул Лёньку за рукав, и они тихо вышли на улицу. Ребята молчали и не могли смотреть друг другу в глаза. Лёньке было ещё хуже, чем после общения со Сказочником.

— Почему он ко мне пришёл, а не к тебе? — тихо, но очень недовольно спросил Алька. — Что ты пристебался к нему со своим будершафтом или как там его?

Лёнька молчал, а Алька всё больше распалялся, чувствуя, что его друг чувствует себя виноватым.

— Мне все эти словечки на фиг не нужны. Чё ты к нему пристал? В следующий раз пусть он приходит к твоей матери, а не к моей.

— Она так себя вела не потому, что ты думаешь.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

— Я посмотрю на тебя, когда он придёт к твоей матери.

Алька готов был наговорить ещё много обидных слов. Но во дворе появился Марк. Он смотрел по сторонам, ища кого-то, а увидев ребят, расплылся в улыбке и подошёл к ним.

— Ну что, чуваки? Послезавтра приходите в секцию бокса. Семён Аркадьевич договорился. Только возьмите с собой справки от врача.

Лёнька приподнял Марка и закружился с ним.

— Зашибись! Молодец Маркуша! Ты даже не знаешь, какой ты молодец!

Вечером мама несколько раз огрела Лёньку кухонным полотенцем и всякий раз называла его паразитом. Как оказалось, к ней приходила жена Колчака и рассказала о Лёнькиных проделках.

— Человек больной. Десять лет строил шахты в Инте и потерял голос. Столько пережил. А ты — паразит!

Перед тем как идти на работу в ночную смену, она успокоилась и села на край Лёнькиной кровати. В комнате было темно. Свет проникал из коридора через приоткрытую дверь и освещал профиль мамы.

Какая она у меня красивая, — думал Лёнька. — Только бы Жута не было во дворе. Ей идти на работу и всю ночь не спать”.

Небеса за окном стали оранжевыми. Они всегда пылали после того, как на левом берегу Урала выливали шлак из доменных печей в реку. Шлак такой яркий, и его так много, что его потоки освещали всё вокруг на много километров, и стоял приглушённый гул. Через открытую форточку просачивался запах серы. Оранжевые блики ползли по ночному небу, отражались от облаков, освещали комнату и окрашивали лицо мамы.

— Хочу пойти в литературный кружок в Ирине Витальевне, — соврал Лёнька уверенный, что мама не пустит его в секцию бокса. Но сказав это, он понял, что действительно хочет пойти к Ирине Витальевне.

— Смотри сам, что тебе больше подходит. Ищи умных образованных людей, учись у них, — тихо говорила мама. — Вот Колчак. На самом деле он никакой не Колчак, его зовут Арест Владимирович Козловский. Когда-то жил в Киеве. Фронтвик. А после войны попал в Инту, строил шахты, голос потерял, а потом — в Магнитогорск. Говорит, что сейчас родственники и друзья хлопочут за него. Может, вернётся в Киев. Самое главное, что ты ему нравился. Он хвалил тебя в разговорах с женой. А ты что натворил?

Она говорила и говорила. Взгляд её был направлен в сторону окна, хотя Лёнька понимал, что она смотрит куда-то далеко, в мир, который она выдумала и куда хотела бы поселить Лёньку. “Когда вырасту, буду носить её на руках. Только бы она не встретила с Жутой по дороге на работу”, — подумал Лёнька, засыпая.

Мама придвинула стул к кровати, чтобы Лёнька не упал с неё во сне, и тихо вышла.